

Прошу сейчас — наличными, вином

Известия. — 1998. — 21 августа. — с. 6.

Изданы рубаи Омара Хайяма с иллюстрациями художника Павла Бунина

Ядвига ЮФЕРОВА

Приход Бунина в редакцию вообще-то надо объявлять нерабочим днем: он потрясающий рассказчик, слушать его можно бесконечно. Но не в том смысле, что жить когда-то было трудно, зато как весело сейчас вспоминать. Его память менее всего озабочена собой, любимым. Он может часами читать Байрона, Гете и Мицкевича, не говоря уже о Пушкине и Лермонтове, на языке оригинала. Как-то стал цитировать язвительно точные мемуары царского премьер-министра Витте о придворных нравах, спрашиваю: вы только что прочитали? Да нет, отвечает, лет двадцать назад, но сегодня кстати вспомнилось.

В молодости он счастливо был отмечен дружной и беседами с Корнеем Ивановичем Чуковским. В зрелости от коммунальной безысходности уехал в Европу, рисовал на ступенях Парфенона и Колизея, неделями просиживал в библиотеке Британского музея, которая произвела на него ошарашивающее впечатление: с полки можно было брать хоть двадцать, хоть сто двадцать книг. Не диссидентствуя и не торгуя «плохой родиной», он фантастическим образом в одночасье стал гражданином Австрии.

У него появилась квартира с лепными потолками в центре Вены, случилось 30 западноевропейских выставок за 9 лет тамошней жизни, но в 1987 году он решает бросить все и вернуться на родину, в Москву («зов Отчизны»), чтобы опять продолжить неустойчивую жизнь уязвимого таланта, отшельника на Сушевском валу в многомиллионном городе. («Говорят, рыба ищет, где глубже... А я все-

«Этот мир красотой Хайяма пленил...»

таки не рыба. И не честолюбив, как Мицкевич, Гюго или Пикассо, которого, кстати, всячески заманивали из Франции в Испанию, домой, а он говорил: сначала принесите мне на блюде голову Франко»).

У большинства человечества с годами тысячи начитанных часов становятся кладбищем утерянного времени. Память художника Бунина феноменальна, она безупречно хранит судьбы, мемуары, творения многих великих, среди которых главный — Александр Сергеевич Пушкин: он иллюстрирует его всю жизнь. Его люди — Киплинг (вечный спор Востока с Западом), Наполеон, Хайям...

О последнем — особо. На этой неделе московское издательство «Эксмо-пресс» выпустило тиражом 20 тысяч рубаи самого известного за последнюю тысячу лет персидского поэта Омара Хайяма с предисловием Расула Гамзатова и рисунками Павла Бунина. В книге — около двухсот работ художника: очень чувственные женщины («серьги и косы — весь наряд красавиц», признается Павел Львович). Очень мудрые мужские лица — ведь Омар Хайям писал свои четверостишия, бесконечный гимн любви к жизни, вину и женщинам, на полях научных трудов по математике, медицине, астрономии, неустанно оспаривая религиозные табу.

«В ад посылать из-за вина и женщин? Тогда в раю, наверное, ни души».

Можно ли думать о Боге, глядя на бунинскую обнаженную женщину с Кораном? Скорее, о чем-то божественном... Художник убежден, что его любимый поэт, живший в одиннадцатом веке и служивший придворным астрономом у Мелик-шаха, был атеистом. Как и Екклесиаст, и его отец Давид, царь Иерусалимский, который восклицал: «Господи, зачем тебе мертвые кости, помогай живым».

Зная пиратские нравы современных издателей, спрашиваю у Павла Львовича, не обидели ли его, скажем мягко, не самого практичного в этой жизни человека? Он тут же цитирует Хайяма:

*Что мне блаженства
райские — потом?*

Прошу сейчас —

наличными, вином.

В кредит — не верю.

И на что мне слава —

*Под самым ухом
барабанный гром?*

Редкий случай: издатели отобрали из восьмисот иллюстраций к Хайяму две сотни, рассчитались с художником и только потом приступили к изданию книги.

А на мой вопрос, когда же он так был увлечен персидским поэтом, Бунин рассказывает одну из тысячи его историй. Во время эмиграции в швейцарском Базеле он рисовал на улице портрет прохожего и разговорился с ним о превратностях судьбы австро-венгерской монархии. Любитель моментального портрета оказался австрийским полковником и сказал художнику, что с таким знанием и талантом он должен стать гражданином Австрии. Для этого ему немедленно надо ехать в Вену — легкий город, а не оставаться в скучной крестьянско-банкирской Швейцарии,

пойти во внутреннее министерство (аналог советского КГБ) и предложить чиновникам тест: они называют любое историческое лицо, хоть кайзера Вильгельма, хоть Марию Терезию, а он тут же рисует портрет.

Самое потрясающее, что все так и произошло. Через полтора месяца на его первую персональную выставку в Вене пришел в полном составе отдел местной Лубянки и начальник прочувственно сказал: Нурееву потребовалось десять лет, чтобы стать гражданином Франции, а вам у нас — всего лишь месяц. На что Бунин отшутился: но он же работал ногами, а я головой.

У него появился импресарио, одна за другой пошли выставки. Очень хорошо тогда рисовался Хайям. Вышли три альбома с бунинскими иллюстрациями. «По требованию трудящихся», веселых венцев, это были отдельные листы: их преспокойно вешали на стены. У него было в Вене все — квартира, деньги, друзья (правда, как настаивает художник, те годы он жил схимником, вся энергия уходила на то, чтобы рисовать любовь, а не жить любовью), и вот тогда-то и появился этот самый «зов Отчизны»: гражданин Австрии решает опять стать гражданином СССР — в предчувствии России.

... На днях в редакции «Известий» был Павел Львович Бунин и говорил на этот раз о своих любимых местах из Екклесиаста: «... не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их».

Да, время и случай — для всех, только не каждый, к сожалению, знает свое время.